

Алла Ларионова и Николай Рыбников.
Фото ИТАР-ТАСС

АЛЛА ЛАРИОНОВА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИЗ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ РАЗГОВОРА

*Независимая
газета. - 2000
- 29 апр. - с. 9*

Последнее интервью первой красавицы советского экрана

— ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ СИНЕМА

ПЛОТУ

ОН РЫБНИКОВ НАТРОНДЕР

Наталья Заруцкая

КАРЬЕРА Аллы Ларионовой была вертикальным взлетом звезды. И какой звезды! Самой красивой киноактрисы шестой части Земли!.. Ее приход в кино дублировал сказку о Золушке. Правда, она была любимым ребенком вполне обеспеченных родителей: отец — директор райпищесторга, «из настоящих коммунистов» (как впоследствии вспоминала она); мама — завхоз в детском саду. Однажды ее, школьницу, подозвала на улице незнакомая женщина: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» Так Алла Ларионова попала на «Мосфильм», ее занесли в картотеку, задействовали в массовках...

После школы пошла в ГИТИС: «Принимал Гончаров. А он такой красивый был. Я от волнения забывала текст, который должна была читать. А он так не без ехидства меня спрашивает: «Девочка, сколько тебе лет?» — «Семнадцать», — говорю. А он: «Так в семнадцать надо память получше иметь...»

Но поступила она все-таки во ВГИК, где считалась на курсе самой красивой студенткой. В числе многочисленных поклонников ее оказался и Николай Рыбников, которого она поначалу воспринимала как друга. Не больше!

В 1952 году ее открыл Александр Птушко, пригласивший на главную роль красавицы Любавы в фильм «Садко». Фильм получил «Серебряного льва» Венецианского фестиваля: «Провожали нас в Венецию на высшем уровне, сам Микоян... Нам, трем актрисам, срочно за три дня сшили из одинакового материала три платья. К счастью, разных фасонов. Правда, по возвращении мы их сдали...» Ее появление вызвало бурю восторга. Жерар Филип писал ей стихи. Зарубежные продюсеры и режиссеры наперебой предлагали сниматься. Голливуд боролся за право предложить ей контракт. Но в те годы об этом нельзя было и думать: подобное считалось предательством.

В середине пятидесятых она становится звездой советского кино. Фильм «Анна на шее» потряс советских зрителей. Тогдашний министр культуры Александров, известный донжуанскими похождениями, обратил внимание на ее красоту: «Он шел мимо, знакомясь со студией. Увидел меня, застыл как вкопанный и простоял так все время, пока я пробовалась (на роль Оливии в «Двенадцатой ночи». — Ред.). Потом уже пошли сплетни...» Но сплетни не могли затмить истинную красоту. Каждая ее роль становилась событием, какими бы идеологизированными ни были фильмы — например, «Судьба барабанщика».

2 января 1957 года, сразу после Новогоднего праздника, она регистрирует брак с любимцем советского экрана Николаем Рыбниковым, чья песня про не кочегаров и

не плотников из фильма «Высота» была на устах у всей страны. На премьере «Высоты» в Доме кино, по воспоминаниям Аллы Ларионовой, она сидела с Николаем Рыбниковым рядом. Когда герой фильма, которого тоже звали Николай, произнес с экрана: «Эх, прощай, Коля, твоя холостая жизнь!» — зал взорвался аплодисментами.

Последние годы Алла Ларионова жила одна в двухкомнатной квартирке на пенсию в 500 рублей. Буквально за два дня до смерти Аллы Дмитриевны мы беседовали с ней по телефону и договорились об интервью для «НГ». Ну а в качестве «аванса» большого разговора Алла Дмитриевна рассказала нам об Отечественной войне в своей судьбе. Этот эскиз несостоявшейся беседы оказался последним интервью в ее жизни:

Алла Ларионова в последний год жизни.

Фото ИТАР-ТАСС

— Как на мне отразилась Отечественная война? Я была ребенком. Мой отец пошел в ополчение. Попал в окружение, в каком-то селении его спасла пожилая женщина: когда немцы вели по деревням пленных, она бросилась к ним с просьбой отдать ей своего брата (то есть нашего отца). Почему-то немцы ей поверили и отдали. Так она спасла отцу жизнь. Я была маленькая, но запомнила, как эта женщина — ее звали Пелагея — приезжала к нам в Москву, и мы были благодарны ей всю жизнь... Всю войну мы были в эвакуации в одном городке Татарии — Мензелинске. Помните, у Мусы Джалиля есть стихотворение «Мензелинские бани». Я хорошо помню эти мензелинские бани. Время было «вшивое», мне на всю жизнь запомнилось, как мама ужасно больно терла меня мочалкой... Много позже я узнала, что в это же время в Мензелинске оказался и Зиновий Гердт, с которым мы потом уже, в послевоенное время, снимались в фильме «Фокусник». Как-то в конце шестидесятых мы сидели с ним в Доме кино. Вдруг он оглянулся и сказал кому-то, что во время войны попал в госпиталь в Мензелинске. А мы, дети, ходили по госпиталям и читали раненым стихи...